

УДК 94(437.7):438.081:437:1932/1935

UDC

DOI: 10.17223/18572685/54/14

ПОДКАРПАТСКАЯ РУСЬ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ПОЛЬШИ И ЧЕХОСЛОВАКИИ (1932–1935 гг.)

С.В. Морозов

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

E-mail: roland60@mail.ru

Авторское резюме

Раскрываются малоизученные аспекты польско-чехословацких отношений в ключе их направленности относительно Подкарпатской Руси в период 1932–1935 гг., т.е. в контексте перемещения в практическую плоскость при помощи проекта «пакта (директората) четырех» локарнской политики «подталкивания Германии на Восток». Приводится краткое историографическое освещение роли Подкарпатской Руси в исследованиях, рассматривающих международные отношения межвоенного периода. Представлены детали донесений польских военного атташе и посланника в Праге в контексте закарпатской тематики. Особое внимание уделено визиту министра Э. Бенеша в Закарпатье весной 1934 г., проходившему параллельно с посещением его польским визави Ю. Беком Бухареста, преследовавшим, среди прочего, тайную цель – разрушить Малую Антанту. Раскрыты не освещавшиеся прежде в научной литературе донесения весны 1935 г. чехословацкого посланника В. Гирсы и австрийского посланника Марека относительно польско-германских «восточных планов» и причастности к ним Венгрии в контексте Подкарпатской Руси с целью установления общей польско-венгерской границы.

Ключевые слова: Польша, Чехословакия, Подкарпатская Русь, 1932–1935 гг., локарнская политика «подталкивания Германии на Восток», польско-венгерская граница.

SUBCARPATHIAN RUS' IN THE FOREIGN POLICY OF POLAND AND CZECHOSLOVAKIA (1932–1935)

S.V. Morozov

Belgorod State National Research University
85 Pobedy Street, Belgorod, 308015, Russia
E-mail: roland60@mail.ru

Abstract

The article reveals the understudied aspects of Polish-Czechoslovak relations with Subcarpathian Rus in 1932–1935 with the help of the draft of the The Four-Power Pact of the Locarno policy of "pushing Germany to the East". The author provides a brief historiographical essay on the role of Subcarpathian Rus' in the international relations during the interwar period, with the focus on the reports of the Polish military attache and envoy in Prague in the context of Transcarpathian problems. Particular attention is paid to the visit of Minister E. Beneš to Transcarpathia in the spring of 1934, held in parallel with the visit of his Polish counterpart J. Beck to Bucharest, which had a secret goal to destroy the Little Entente. The author discusses the unknown reports of the spring of 1935 by the Czechoslovak envoy V. Ghirsa and the Austrian envoy Marek concerning the Polish-German "Eastern plans" and the involvement of Hungary regarding Sub-Carpathian Rus in order to establish a common Polish-Hungarian border.

Keywords: Poland, Czechoslovakia, Subcarpathian Rus', 1932–1935, Locarno policy of "pushing Germany to the East", the Polish-Hungarian border.

В нынешние непростые времена, когда российско-украинские отношения переживают период испытаний и имеют место попытки переписать заново многие страницы украинской истории, представляется целесообразным обратить внимание на Закарпатье, включенное в состав Украинской ССР после Второй мировой войны. Находясь по соседству с различными странами – Словакией, Венгрией, Польшей, Румынией, определенная часть его населения, являясь потомками русинов, до настоящего времени идентифицирует себя с этим народом. Данный регион занимает стратегически важную позицию, являясь своеобразным мостом из Восточной в Центральную Европу, и обладание им предоставляет немаловажное преимущество государству, в состав которого он входит. Поэтому неудивительно, что в межвоенный

период Подкарпатская Русь, как эта территория именовалась тогда в различных источниках и нормативно-правовых актах, занимала особое место в политике Чехословакии, в которую она тогда входила, и Польши, правящие круги которой вынашивали в отношении ее определенные планы. Нагляднее это стало проявляться в 1930-е гг., в особенности после обнародования инициативы «директората четырех» и т. н. пакта Липского – Нейрата, в связи с чем хронологические рамки статьи определены 1932–1935 гг., что, впрочем, не исключает рассмотрения краткой предыстории вопроса.

В историографии советского времени Подкарпатская Русь нередко присутствовала в исследованиях, посвященных двусторонним отношениям межвоенного периода (Кізченко 1971; Поп 1972). В 1990–2000-х гг. положение стало меняться, и к рассмотрению проблематики, связанной с ролью Подкарпатской Руси в международных отношениях между Первой и Второй мировыми войнами, к настоящему времени обращается все больше исследователей как в России (Пушкаш 2006; Суляк 2007), так и на Украине (Домбровський 2012; Трофимович, Трофимович 2018). Увидели свет и работы, связанные с исследованием Подкарпатской Руси через призму политики двух государств (Марына 2003), в т. ч. Польши и Чехословакии (Морозов 2004). Рост исследовательской активности на данном направлении, несомненно, является свидетельством актуальности избранной нами темы.

Подкарпатская Русь, включенная в состав Чехословакии Сен-Жерменским и закрепленная Трианонскими договорами, граничившая, среди прочего, с Польшей, Венгрией и Румынией и занимавшая, как было указано выше, стратегически важное положение, играла немаловажную роль во внешней политике как Варшавы, так и Праги. Отношения между этими двумя странами после обретения ими в 1918 г. независимости носили весьма непростой характер, во многом обусловленный несправедливым, по мнению польской стороны, присоединением 28 июля 1920 г. Советом послов экономически важного региона – Тешенской Силезии – к Чехословакии, а не к Польше. Холодок был характерен для двусторонних отношений, но попытки их как-то нормализовать все же предпринимались, причем в повестке переговоров в связи с симпатиями Варшавы к Будапешту постоянно присутствовала и тема Подкарпатской Руси.

В качестве некоего первого результата в 1920 г. был подписан, но так и не ратифицирован документ, получивший название «договор Кентшинского». В следующем году польский посланник в Праге Эразм Пильтц продолжил переговоры, завершившиеся подписанием очередного двустороннего документа, известного как «соглашение

Бенеша – Скимунта». Польскому министру иностранных дел К. Скимунту удалось «преодолеть в польском лагере растущую неприязнь к Чехословакии, которую было принято всюду обвинять в негативном отношении к Польше» (Kozeński 1964: 24–26). Он, наверное, утвердился в мысли, что неуступчивость чехословацкой стороны касательно восточных границ Польши могла быть объяснена той поддержкой, которую польские власти оказывали словацким автономистам, а также стремлением Варшавы включить Подкарпатскую Русь в состав Венгрии¹.

Для того чтобы установить с Прагой дружественные дипломатические отношения, главе польского внешнеполитического ведомства пришлось забыть на время о совместной польско-венгерской границе и смириться с мыслью о включении Подкарпатской Руси в состав чехословацкого государства. Заключенный им документ предполагал обоюдостороннее согласие относительно неизменности территориального статус-кво (имелась в виду и Тешенская территория). Польша брала на себя обязательство не ввязываться в подкарпатский и словацкий вопросы, а Чехословакия, соответственно, в проблему Восточной Галиции. Варшава и Прага пообещали, что на своей территории не будут содействовать военным или политическим организациям, функционирование которых могло бы угрожать целостности и безопасности, а споры между ними будут регулироваться посредством арбитража (Monitor 1921).

Польский сейм счел условия данного документа недостаточными и отказался его ратифицировать, тем не менее в обоих документах неизменно так или иначе присутствовала проблема Подкарпатской Руси. В частности, в связи с взаимными польско-венгерскими симпатиями и опасениями перед перспективой установления польско-венгерской границы за счет территории Чехословакии, т. е. земель данного региона, по преимуществу русинского в этническом отношении.

В 1925 г. политическая обстановка в Европе изменилась, что способствовало относительной нормализации отношений между Польшей и Чехословакией. Во многом это было связано с планом Дауэса, финансировавшим экономику Веймарской республики, который был предложен западными державами и принят Германией. Это свидетельствовало о подготовке экономической базы для дальнейшего политического соглашения, которое бы позволило ей приобщиться к «клубу великих держав». Смыслом этого нормативного акта должно было стать создание в европейских международных отношениях правового механизма, позволившего бы западным державам использовать 19-ю статью Устава Лиги Наций о мирной ревизии границ государств Версальской системы для подталкивания Германии на Восток

(Морозов 2016). Поскольку Чехословакия и Польша были ее членами и им в рамках будущего соглашения была отведена определенная роль, то этим странам следовало в срочном порядке урегулировать двусторонние отношения.

В результате длительной предварительной работы, проделанной чехословацким посланником Р. Флидером, в Варшаву 20 апреля 1925 г. прибыл министр Э. Бенеш. Начались переговоры. Уже через три дня были завизированы арбитражное и хозяйственное соглашения, а также конвенция (т. н. ликвидационное, т. е. устранявшее споры, соглашение), которая регулировала положение польского меньшинства в Тешенской Силезии. Эти документы, в отличие от двух предыдущих, были ратифицированы на заседании сейма 30 июля 1925 г. и начали действовать на практике (Kutrzeba 1925: 175). Поскольку закарпатская тема для обеих сторон была своеобразным табу (правда, по диаметрально противоположным причинам), то она была оставлена для будущих соглашений.

Тем самым правовая основа для участия Польши и Чехословакии в локарнской схеме, составленной в кулуарных салонах великих держав, была подготовлена, и обе страны оказались в ней задействованы, среди прочего, и путем заключения арбитражных договоров с Германией. Поскольку в двусторонних документах и Прага, и Варшава, как было отмечено выше, обошли молчанием закарпатскую тему, ибо в ней незримо присутствовал венгерский аспект, то она постепенно стала приобретать черты закамуфлированного взрывного механизма, которому предстояло сдетонировать в определенный день и час.

Упоминания о закарпатских землях в документах того времени крайне немногочисленны и носят косвенный характер. Например, тема Подкарпатской Руси в том или ином ракурсе присутствовала в донесениях польской разведки. В частности, обзор наиважнейших моментов внутренней политики Чехословакии в 1932 г., по оценке польских аналитиков, свидетельствовал о росте центробежных сил. В особенности это касалось Словакии, Подкарпатской Руси и немецкого населения. В варшавском МИДе считали, что «как во внутренней, так и во внешней политике [чехословацкого] государства и экономике проявляются растущие трудности» (РГВА: Ф. 308к. Оп. 19. Д. 515. Л. 78).

Некий подкарпатский момент присутствовал и во время попытки чехословацких военных кругов установить предварительный контакт с польскими дипломатами зимой – весной 1932 г. Польский военный атташе в Праге подполковник Червиньский сообщал 11 января 1932 г., что недавно назначенный на должность заместителя чехословацкого Генерального штаба генерал Прхала неоднократно затрагивал возможные перспективы польско-чехословацкого воен-

ного сотрудничества в беседах с польским генеральным консулом в Ужгороде Свежбиньским². «Подкарпатский момент» заключался в том, что генерал Прхала в течение длительного времени занимал должность командира пехотной дивизии в Ужгороде. Червиньский, комментируя эти беседы, указывал на факт доверительных отношений Прхалы с главой пражского МИДа Э. Бенешем, который, будучи осведомленным о длительном знакомстве чехословацкого генерала с польским дипломатом, «пытался запустить пробный шар» (АВПРИ: Ф. 2. Оп. 1. Д. 32. К. 32–33).

Не забывали о Подкарпатской Руси и польские дипломаты в своих донесениях из чехословацкой столицы. Вот как оценивал позиции Праги посланник Вацлав Гжибовский в итоговом докладе «Чехословакия в 1933 г.»³ (АВПРИ: Ф. 15. Оп. 1. Д. 85. К. 78–89). Первая часть этого документа была посвящена внешней политике. Для нее, по мнению Гжибовского, было характерно отсутствие политического реализма, т. к. ее идеология покоилась на прошлом (Версаль, пункты Вильсона и т. д.), не учитывала надлежащим образом современные реалии, в частности приход Гитлера к власти в Германии. В связи с ревизионистскими заявлениями рейхсканцлера Прага пыталась найти политическую опору во Франции, а также в Польше, к которой она обращалась в течение года с предложениями о сотрудничестве. Но поскольку ЧСР встретила холодный прием с польской стороны, ей ничего не осталось, как держаться в тени политики Франции (АВПРИ: Ф. 15. Оп. 1. Д. 85. К. 79–80).

Вторая часть доклада была посвящена состоянию экономики ЧСР. Гжибовский особо отметил спад чехословацкого экспорта на 71 % по сравнению с 1929 г., но от его внимания не ускользнуло, что к концу года ситуация стала улучшаться и показатели изменились к лучшему⁴. Он также подчеркнул продовольственную независимость страны и увеличение производства зерна (АВПРИ: Ф. 15. Оп. 1. Д. 85. К. 81–84).

Третий раздел охватывал сферу внутренней политики, в которой была отмечена диктатура правящих партий, при помощи чрезвычайного законодательства подавивших проявления сепаратизма немцев, проблема которого вышла в 1933 г. на первый план. Вторым по степени важности Гжибовский считал вопрос о венгерском меньшинстве и давлении, оказываемом на него. В связи с политической жизнью Подкарпатской Руси отмечалась кончина популярного губернатора Антония Бескида, на смену которому пришел Стефан Фенцик. Он и его сторонники создавали партию «Голос Закарпатья», деятельность которой была направлена на обеспечение реальной автономии⁵ (АВПРИ: Ф. 15. Оп. 1. Д. 85. К. 85–87).

Посланник Гжибовский верно отметил обеспокоенность Праги относительно растущей угрозы ревизии границ после прихода к власти Гитлера, но не меньшей тревогой в связи с той же повесткой была охвачена и Варшава. Тем более что правовым инструментом для ее реализации должен был стать проект «пакта (директората) четырех», обнародованный в марте и подписанный в июле 1933 г. Именно ему предстояло стать арбитром на международной арене в вопросе изменения границ Польши и Чехословакии в пользу Германии на основе арбитражных договоров, подписанных ими в 1925 г. в Локарно. Однако Польша, в отличие от Чехословакии, заручившейся устной гарантией Франции, избрала сомнительный путь шантажа Гитлера, заставив последнего включить ее в свои «восточные планы», дабы упрочить свой тыл установлением общей границы с Венгрией за счет Подкарпатской Руси, входившей в состав ЧСР.

Начало 1934 г. было ознаменовано изменением политической обстановки в международных отношениях к худшему, в частности, в связи с подписанием 26 января т. н. пакта Липского – Нейрата, ознаменовавшего установление прогерманской ориентации Варшавы, которую многие наблюдатели связывали с ростом военной угрозы и активизацией польской внешней политики.

В начале мая 1934 г. Прага была вынуждена в срочном порядке ответить действием на неожиданный ход Варшавы – поездку главы польского МИДа Юзефа Бека в Бухарест. Поскольку министру иностранных дел Франции Луи Барту в апреле было заявлено в Варшаве, что Польшу не интересует Малая Антанта, то визит польского министра в столицу Румынии вызвал в Праге значительную обеспокоенность. Действия Бека противоречили его высказываниям, сделанным для Барту, и их можно было рассматривать как попытку отколоть Румынию от Малой Антанты, прикрытую вежливой улыбкой в адрес Кэ д'Орсэ⁶. Вполне естественно, что министр Бенеш воспринял это как вызов и должен был на него ответить. С этой целью он предпринял срочную поездку в Подкарпатскую Русь, находился там все время, пока Бек пребывал в Бухаресте, и произносил речи о стремлении руководства страны сохранить ее целостность и не допустить раскола⁷ (АВПРИ: Ф. 15. Оп. 1. Д. 85. К. 64–65).

Бенеш стал более внимательно следить за действиями своего польского коллеги и серьезнее к ним относиться после своей беседы с министром Барту. Умудренный житейским и политическим опытом, Барту, разменявший восьмой десяток лет, к тому же историк по образованию, не мог не поделиться с Бенешем, с которым был знаком еще со времен Первой мировой войны, глубоким впечатлением от встречи с Пилсудским. Затронув в беседе с маршалом широкий круг вопросов

и ощутив его горячее желание вернуть Польше былое величие, он без труда понял, что одним из путей, ведущих польское руководство к великодержавному статусу, является установление общей польско-венгерской границы, которая может стать реальностью лишь в случае отчуждения у чехов Закарпатья.

Министр иностранных дел Чехословакии сразу понял истинный мотив бухарестского вояжа Бека: для того чтобы установить общую польско-венгерскую границу, ему необходимо разрушить Чехословакию, а в качестве предварительного шага – развалить Малую Антанту. Румыния была избрана Вежбовой⁸ в качестве того самого слабого звена, с которого следовало начать расшатывание этой не отличавшейся особой прочностью постройки. Своим прибытием в Подкарпатскую Русь и выступлениями с речами о решимости чехословацкого руководства сохранить единство страны Бенеш дал понять Беку, находившемуся в Бухаресте, что ему известны его тайные замыслы и он не приемлет их. Бек в долгу перед Бенешем не остался и, вернувшись из Бухареста, дал указание польской делегации сорвать переговоры об открытии авиационной линии Прага – Москва, что и было исполнено (ВПЧ 1959: 320).

Донесение чехословацкого посланника в польской столице Вацлава Гирсы от 11 июня 1934 г. подтвердило тот факт, что поездка Бенеша в Подкарпатскую Русь в первой декаде мая не была случайной – в Варшаве всерьез заинтересовались венгерским направлением. Гирса делился подозрениями о по-прежнему враждебном отношении Польши и Венгрии к Малой Антанте. В польской столице начали мусироваться слухи о том, что Венгрия должна была напасть на Югославию, а Польша – на Чехословакию. После женевских переговоров и позитивной реакции польского общественного мнения на их результаты Гирса сообщил в рапорте, что нормализация отношений Малой Антанты с Советским Союзом вызвала замешательство в польском лагере, т. к. здесь такая возможность исключалась. В какой-то мере допускалась возможность нормализации отношений СССР с Румынией, но не с целым блоком. Теперь же возникала реальная угроза стремлению Варшавы установить гегемонию в Центральной Европе. В результате нормализации связей с Советским Союзом Чехословакия получила серьезный козырь в отношениях с Третьим рейхом и, по мнению посланника, сорвала польские планы в отношении Словакии и Подкарпатской Руси (Kozieński 1964: 146).

В течение 1934 – весны 1935 г. угроза развязывания войны значительно возросла, и ситуация в польско-чехословацких отношениях усугубилась. Уверенность и последовательность, с которыми действовали функционеры с Вильгельм-штрассе⁹ и Вежбовой в надежде

на реализацию в скором будущем своих совместных «восточных планов» (Морозов 2017: 124–226), не замедлили принести результаты. В начале 1935 г. Вацлав Гирса провел скрупулезный анализ и оценку взглядов польского общества на конфликтную ситуацию в польско-чехословацких отношениях. В январе 1935 г. он сообщал в Прагу, что в Польше под влиянием официальной античехословацкой кампании совершенно открыто говорят о том, что «дело дойдет до военного конфликта между Польшей и Чехословакией» (ВПЧ 1959: 371). Гирса упоминал о недобрых намерениях Пилсудского в отношении Чехословакии: их следует принимать во внимание с учетом богатой фантазии маршала, которая могла продиктовать ему все что угодно. Ходили слухи о возможном вооруженном конфликте между Венгрией и Чехословакией, в котором Польше следует принять участие на стороне Венгрии, чтобы отблагодарить ее за помощь, оказанную в 1920 г. в период польско-советской войны. Ее миссия заключалась бы в том, чтобы, заняв Подкарпатскую Русь, передать его впоследствии Венгрии, гарантировав, таким образом, общую польско-венгерскую границу. Среди прочего к Гирсе также поступили сведения и о якобы приближающемся моменте решения вопроса о принадлежности Тешенской Силезии, Спиша и Оравы, который с некоторых пор в Варшаве принято было связывать со временем после решения проблемы Саара. В частности, высказывалось мнение, что для захвата Тешенского района, Оравы и Спиша достаточно будет сил одной польской дивизии. Гирса отмечал, что доминирует взгляд, в соответствии с которым вооруженный конфликт между Польшей и Чехословакией неизбежен (Kozieński 1964: 156–157).

К весне 1935 г. тайное взаимодействие Вежбовой и Вильгельмштрассе касательно «восточного направления» усилилось в такой степени, что некоторые европейские дипломаты начали о нем ставить в известность вышестоящее начальство. Так, например, поступил австрийский посланник Марек, который отправил из Праги своему шефу в Вену документ под названием «Гитлеровская система (конец марта 1935)»¹⁰, где был и эпизод, касавшийся внешней политики Берлина: «Розенберг с Герингом заявляют о твердой позиции Польши, что она обеспечит поражение русского и литовского военного противодействия». Имелось в нем и свидетельство об участии в данных прожектах Страны восходящего солнца: «Деятельное воздействие Японии и последовательное участие Германии обеспечат отделение Украины от России». К завершающему периоду германо-польского взаимодействия имели определенную причастность Венгрия и данцигский вопрос: «Проведение данной комбинации обеспечит взаимодействие Венгрии и Польши касательно Подкарпатской Руси, имея молчаливую

поддержку со стороны Берлина. Варшава утверждает, что в случае обоюдного добросовестного выполнения обязательств она не возражает против возвращения Данцига и линии соединения с Восточной Пруссией»¹¹ (НАИРИ РАН: Ф. 18-Ж. Д. 39. Л. 46–49).

Таким образом, в период 1932 – 1935 гг. Подкарпатская Русь неизменно присутствовала во внешней политике Польши и Чехословакии в различных политических ракурсах. Если пражское руководство было озабочено проблемой тамошнего сепаратизма, то в Варшаве эта территория рассматривалась как своеобразный мост для будущего сотрудничества с Будапештом с целью установления общей польско-венгерской границы в процессе реализации совместных с гитлеровской Германией «восточных планов».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В польской историографии 1930–1950-х гг. встречались утверждения, что чехословацкий президент Т. Масарик и глава МИД Э. Бенеш собирались в 1920 г. выразить готовность советскому представителю Мостовцеву уступить Подкарпатскую Русь с Ужгородом в случае занятия Советской Россией Восточной Галиции (Kuracewicz 1936: 35; Diamond 1947: 192; Pobóg-Malinowski 1956: 302).

2. Военный атташе Червиньский – начальнику II отдела Главного штаба Войска Польского (ВП) из Праги от 11.01.1932 г.

3. Донесение посланника В. Гжибовского в варшавский МИД от 14.03.1934 г.

4. В частности, это позволило в начале 1934 г. заключить экономический пакт Малой Антанты, что стало очередным шагом, направленным на усиление внутренних экономических связей входивших в нее государств. В дальнейшем в сферу влияния этого объединения планировалось вовлечь Австрию и Венгрию (Поп 1972: 17).

5. На самом деле губернатором Фенцик не стал, т. к. как на этом посту его сменил К. Грабарь. По-видимому, имелось в виду политическое руководство части русофилов. Партии под названием «Голос Закарпатья» также не существовало, поскольку он основал Русскую национально-автономную народную партию. Однако он издавал газету «Карпаторусский голос»; вероятнее всего, именно она подразумевается в документе.

6. Улица в Париже, где в то время располагался МИД Франции.

7. Донесение польского поверенного в делах в Вене Гавроньского в варшавский МИД от 5.05.1934 г.

8. Улица в Варшаве, где в особняке Брюля располагался МИД Польши.

9. Улица в Берлине, где располагался гитлеровский МИД.

10. Этот доклад был подготовлен на основе данных, полученных Марекон

через посредника от доктора Отто Штрассера. Его брат Грегори, занимавший высокий пост в СА, был уничтожен гитлеровцами в «ночь длинных ножей». О. Штрассер, долгое время возглавлявший партию «Союз революционных национал-социалистов» и прозванный Гитлером «салонным большевиком», был вынужден покинуть Германию и осесть в Праге (ЭТР 1996: 539–540; Залесский 2002: 777).

11. Донесение посланника Марека бундесминистру. Прага, 1.04.1935 г.

ЛИТЕРАТУРА

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи.

ВПЧ 1959 – Внешняя политика Чехословакии 1918–1939: сб. ст. / Под ред. В. Сояка. М.: Изд-во иностр. лит., 1959. 660 с.

Домбровский 2012 – *Домбровский Д.* Польша і Закарпаття: 1938–1939. Київ: Темпора, 2012. 392 с.

Залесский 2002 – *Залесский К.А.* Кто был кто в Третьем рейхе. М.: АСТ, 2002. 944 с.

Кізченко 1971 – *Кізченко А.Ф.* Напередодні трагедії. З історії зовнішньої політики Чехословаччини (травень 1935 – березень 1939 рр.). Київ: Вид-во Київського держуніверситету, 1971. 249 с.

Марына 2003 – *Марына В.* Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. М.: Новый хронограф, 2003. 304 с.

Морозов 2004 – *Морозов С.В.* Польско-чехословацкие отношения. 1933–1939. Что скрывалось за политикой «равноудаленности» министра Ю. Бека. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2004. 528 с.

Морозов 2016 – *Морозов С.В.* К вопросу о создании в 1925 г. правового механизма «подталкивания» Германии на Восток // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 412. С. 84–89. URL: http://journals.tsu.ru/vestnik/&journal_page=archive&id=1482 (дата обращения: 10.10.2018).

Морозов 2017 – *Морозов С.В.* «Варшавская мелодия» для Москвы и Праги. Документы из личного архива И.В. Сталина, Службы внешней разведки Российской Федерации, II отдела Главного штаба Войска Польского и др. (1933–1939). М.: Междунар. отношения, 2017. 592 с.

НАИРИ РАН – Научный архив Института российской истории РАН.

Поп 1972 – *Поп И.И.* Чехословацко-венгерские отношения. 1935–1939. М.: Наука, 1972. 247 с.

Пушкаш 2006 – *Пушкаш А.* Цивилизация или варварство: Закарпатье 1918–1945. М.: Европа, 2006. 564 с.

РГВА – Российский государственный военный архив.

Суляк 2007 – *Суляк С.Г.* Русины в истории: прошлое и настоящее // Русин. 2007. № 4 (10). С. 29–56.

Трофимович, Трофимович 2018 – *Трофимович В.В., Трофимович Л.В.* Вопрос Подкарпатской Руси во внешнеполитических расчетах Польши (октябрь 1938 г. – март 1939 г.) // Русин. 2018. № 2 (52). С. 309–328.

ЭТР 1996 – Энциклопедия Третьего рейха. М.: Локид, Миф, 1996. 592 с.

Diamond 1947 – *Diamond W.* Czechoslovakia between East and West. London: Stevens and Sons, 1947. 258 p.

Kozeński 1964 – *Kozeński J.* Czechosłowacja w polskiej polityce zagranicznej w latach 1932 – 1938. Poznań: Instytut Zachodni, 1964. 319 s.

Kutrzeba 1925 – *Kutrzeba St.* Traktat tzw. likwidacyjny Polski z Czechosłowacją // Przegląd współczesny. 1925. T. 15. S. 175–192.

Łypacewicz 1936 – *Łypacewicz W.* Stosunki polsko-czeskie. Warszawa: Nakładem Polskiego Instytutu Współpracy z Zagranicą, 1936. 61 s.

Monitor 1921 – Monitor Polski. 9.11.1921.

Pobóg-Malinowski 1956 – *Pobóg-Malinowski Wł.* Najnowsza historia polityczna Polski 1864 – 1945. T. 2. Cz. 1. Londyn: Świdzki, 1956. 665 s.

REFERENCES

The Archive of Foreign Policy of the Russian Empire. Fund 2. List 1. File 32. Soyak, V. (1959) *Vneshnyaya politika Chekhoslovakii 1918–1939* [Foreign Policy of Czechoslovakia in 1918–1939]. Moscow: Izd-vo inostr. lit.

Dombrovskiy, D. (2012) *Pol'shcha i Zakarpattya: 1938–1939* [Poland and Transcarpathia: 1938–1939]. Kyiv: Tempora.

Zaleskiy, K.A. (2002) *Kto byl kto v Tret'yem reykh* [Who was who in the Third Reich]. Moscow: AST.

Kizchenko, A.F. (1971) *Naperedodni tragedii. Z istorii zovnishn'oi politiki Chekhoslovachchiny (traven' 1935 – berezen' 1939 rr.)* [The eve of the tragedy. From the history of Czechoslovakia's foreign policy (May 1935 – March 1939)]. Kyiv: Vid-vo Kiivs'kogo derzhuniversitetu.

Marina, V. (2003) *Zakarpatskaya Ukraina (Podkarpatskaya Rus') v politike Benesha i Stalina* [Transcarpathian Ukraine (Subcarpathian Rus) in the politics of Beneš and Stalin]. Moscow: Novyy khronograf.

Morozov, S.V. (2004) *Pol'sko-chekhoslovatskie otnosheniya. 1933–1939. Chto skryvalos' za politikoy "ravnodalennosti" ministra Yu. Beka* [Polish-Czechoslovak relations. 1933–1939. What was behind the policy of "equidistance" by Minister J. Beck]. Moscow: Moscow State University.

Morozov, S.V. (2016) On the creation of a legal mechanism for "pushing" Germany to the East in 1925. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 412. pp. 84–89 (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/412/14

Morozov, S.V. (2017) "Varshavskaya melodiya" dlya Moskvy i Pragi. *Dokumenty iz lichnogo arkhiva I.V. Stalina, Sluzhby vneshney razvedki Rossiyskoy Federatsii*,

Il otдела Glavnogo shtaba Voyska Pol'skogo i dr. (1933–1939) ["Warsaw Melody" for Moscow and Prague. Documents from I.V. Stalin's personal archive, Foreign Intelligence Service of the Russian Federation, Department II of the General Staff of the Polish Army, etc. (1933–1939)]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.

The Scientific Archive of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. Fund 18-RH. File 39.

Pop, I.I. (1972) *Chekhoslovatsko-vengerskie otnosheniya. 1935–1939* [Czechoslovak-Hungarian relations. 1935–1939]. Moscow: Nauka.

Pushkash, A. (2006) *Tsivilizatsiya ili varvarstvo: Zakarpat'e 1918–1945* [Civilization or barbarism: Transcarpathia 1918–1945]. Moscow: Evropa.

The Russian State Military Archive. Fund 308k. List 19. File 515.

Sulyak, S. (2007) Rusiny v istorii: proshloe i nastoyashchee [Rusins in history: Past and present]. *Rusin*. 4 (10). pp. 29–56.

Trofimovich, V.V. & Trofimovich, L.V. (2018) Questions about Subcarpathian Rus in foreign policy calculations of Poland (October 1938 – March 1939). *Rusin*. 2 (52). pp. 309–328 (In Ukrainian). DOI: 10.17223/18572685/52/21

Voropayev, S. & Egazarov, A. (eds) (1996) *Entsiklopediya Tret'yego reykh* [The Encyclopedia of the Third Reich]. Moscow: Lokid, Mif.

Diamond, W. (1947) *Czechoslovakia between East and West*. London: Stevens and Sons.

Kozeński, J. (1964) *Czechosłowacja w polskiej polityce zagranicznej w latach 1932 – 1938* [Czechoslovakia in Polish foreign policy in the years 1932–1938]. Poznań: Instytut Zachodni.

Kutrzeba, St. (1925) Traktat tzw. likwidacyjny Polski z Czechosłowacją [The so-called liquidation of Poland and Czechoslovakia]. *Przegląd współczesny*. 15. Vol. 175–192.

Łypacewicz, W. (1936) *Stosunki polsko-czeskie* [Polish-Czech relations]. Warsaw: Nakładem Polskiego Instytutu Współpracy z Zagranicą.

Monitor Polski. (1921) 9th November.

Pobóg-Malinowski, Wł. (1956) *Najnowsza historia polityczna Polski 1864–1945* [The newest political history of Poland 1864–1945]. Vol. 2. London: Świderski.

Морозов Станислав Вацлавович – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений, регионоведения и политологии Института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета (Россия).

Stanislav V. Morozov – Belgorod State University (Russia).

E-mail: roland60@mail.ru